

Илья АФАНАСЬЕВ

КРЫМСКИЕ ВОЙНЫ

**22 века боев
на рубеже цивилизаций**

Илья Афанасьев

Крымские войны. 22 века

боев на рубеже цивилизаций

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21575284

ISBN 9785448323478

Аннотация

За последние 22 века Крым – один из главных театров военных действий в Европе. Крымскими войнами руководили Митридат Великий, Юлий Цезарь, готские, гуннские, славянские, итальянские и другие полководцы, тюркские султаны и ханы, украинские гетманы, а также и правители Российской, Французской, Британской, Германской империй, и Ленин, Муссолини, Гитлер, Сталин, и менее известные политики, полевые командиры. В книге – точное, объективное и довольно красочное описание военной истории Крыма.

Содержание

Предисловие	5
На рубежах античных империй	9
Крымский треугольник: Херсонес, Боспор и скифы	9
Диофантовы войны. Фаланга против конницы степняков	16
Митридат и Фарнак в Крыму. Бой спешенных всадников	25
Укрепление римского влияния в Боспорском царстве	30
Римские войска на территории Херсонеса в I —III вв. н. эры	36
Расцвет военного могущества Боспора	51
Готские походы III в. и Крым	58
«Прото-тачанки», или херсонесское wunderwaffe	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

**Крымские войны
22 века боев на рубеже
цивилизаций
Илья Афанасьев**

© Илья Афанасьев, 2016

ISBN 978-5-4483-2347-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Крупнейший полуостров Черного моря не так уж и велик: около 27 тысяч квадратных километров. Меньше Бельгии или Эстонии, например. Но ландшафтно-климатическое разнообразие потрясает: солончаки, степные равнины, песчаные косы и высокие холмы к северу от Крымских гор, поднявшихся от моря к небу на полтора километра. Густые леса на склонах этого компактного и очень красивого горного массива, сосредоточенного в южной части полуострова. Тысячи карстовых пещер. Роскошная субтропическая растительность к югу от главной гряды Крымских гор, в солнечных и тенистых долинах между обрывистыми мысами. Издревле чрезвычайно богатое рыбой Азовское море омывает северо-восточный берег Крыма. Рыбалка на других крымских побережьях тоже всегда была прибыльным занятием.

Но даже многообразие природы, ландшафтов Крыма меркнет, в сравнении с многообразием культур в истории этого полуострова. Географически, Крым – это Европа. Но всего в нескольких километрах через Керченский пролив – Азия (согласно античным представлениям). До Кавказа – рукой подать. Совсем недалеко к югу – Турция, Босфор, Константинополь. Крымский полуостров соединен с материком узеньким Перекопским перешейком, не считая нескольких бродов. К северу от Перекопа – Половецкая степь, Ве-

ликая степь, через которую, как через гигантские ворота, переходили из Азии в Европу десятки народов. Со времен античности, Крымский полуостров стал чем-то вроде крепости при этих воротах. Крым то и дело штурмовали, в нем пытались закрепиться на вечные времена.

События, описанные в книге, касаются десятков популярных исторических тем мирового масштаба. Это и важная роль крымских событий в становлении имперского Рима, и грандиозная Крымская (Восточная) война 1853—1856 гг., и крымский театр боевых действий Первой и Второй мировых войн. Это знаменитые народы античности и раннего Средневековья, Византия, Хазарский каганат, Киевская Русь, завоевания потомков Чингисхана, походы Тамерлана, Речь Посполитая, это Генуэзская и Венецианская республики, Османская и Российская империи, Франция, Великобритания, Италия, Третий Рейх, Советский Союз. Крымское прошлое – это победы и поражения украинского и российского казачества в XVI—XVII вв., московских царей, российских императоров и императриц в XVIII—XIX вв., а затем красных, белых, черных, зеленых и других вождей в войнах 1917—1920 годов. Этапы сложного пути татарской, польской, украинской и российской государственности.

В этой книге автор не только собрал все основные и тысячи других (в том числе, малоизвестных) фактов крымской военной истории, не только изложил, но и уточнил, переосмыслил, развил выводы своих предшественников по изу-

чению истории Крыма. Здесь высказывается еще и ряд таких утверждений, которые по-новому оценивают роль тех или иных факторов, ход многих процессов. Проводятся неожиданные исторические параллели. Изучаются не только вопросы политики, военной стратегии и тактики, техники. Важная особенность данной книги – повышенное внимание к влиянию описываемых военных действий на образ жизни мирного населения; тщательно прослеживается взаимосвязь этнических, социально-экономических, демографических изменений с военными действиями.

История крымских войн показана в контексте исторических событий общеевропейского масштаба. Продемонстрировано, как Крымский полуостров в течение двух тысячелетий, почти беспрерывно, выполнял роль пограничной крепости для империй, сменявших друг друга, и как политика этих империй меняла лицо Крыма. Как войны, происходившие на территории Крыма, меняли лицо Европы. В научно-популярной литературе, к сожалению, очень часто содержатся искажения фактов, тенденциозные их трактовки, в угоду политическому заказу и личным радикальным взглядам авторов, либо в целях усиления художественной выразительности за счет научной достоверности. Автор данной книги постарался избежать подобных искажений. Сохранив, однако, те особенности, которые должны отличать научно-популярную литературу от научной: доступность, метафоричность, элементы детектива.

«Какой роман моя жизнь!» – сказал Наполеон на острове Св. Елены, оглядываясь на свое прошлое. Если бы полуостров Крым мог говорить, то имел бы намного больше оснований произнести эту фразу, чем легендарный император французов.

На рубежах античных империй

Крымский треугольник: Херсонес, Боспор и скифы

Люди поселились в Крыму за много тысяч лет до нашей эры. В VIII—V вв. до н. э. жители восточной части Крыма были известны грекам как киммерийцы. Скорее всего, в ассирийских текстах VIII—V вв. до н. э. именно киммерийцы имеются в виду под «гамирра». Великолепные воины, киммерийцы совершали походы в Малую Азию, где они продержались дольше всего, и во фракийские земли, к западу от Черного моря. После их исчезновения остались географические названия: Боспор Киммерийский (ныне – Керченский пролив), город Киммерик (около 50 км к юго-западу от современного города Керчь), Киммерийский вал и другие.

Кое-что из элементов культуры, в том числе военного дела киммерийцев, было унаследовано скифами. Часть киммерийцев, вероятно, смешалась с племенами тавров, заселявшими горные и предгорные районы Крымского полуострова. Тавры были продолжателями археологических культур крымского населения каменной и бронзовой эпох и, возможно, до появления скифов жили не только в горах, но и в сте-

пях. Однако в III в. до н. э. складывавшееся позднескифское государство потеснило тавров, заняв степи и предгорья Северо-Западного Крыма и достигнув расцвета во II в. до н. э. при царе Скилуре. Столицей Крымской Скифии стал Неаполь (на территории современного города Симферополь).

Вообще, понятие «скифы» в III в. до н. э. было для греков очень широким, под скифами понимали большинство варварских племен Северного Причерноморья. В это собирательное понятие входили племенные союзы, которые вели очень разный образ жизни: и кочевой, и оседлый. Скифское население Крыма, как и таврское, было ираноязычным.

Крымские скифы – осколок могущественной причерноморской Скифии, которая при царе Атее сразилась с самим Филиппом Македонским, отцом Александра Великого. Македонцы разбили скифов с запада, а многочисленные активные ираноязычные племена сарматов наступали с востока. Сарматские племена были более близкими скифам в этническом отношении, чем тавры. Контакты между этими двумя большими кочевыми группами представляли собой многовековую череду конфликтов и примирений, клубок ненависти и любви. С боями продвигаясь из Нижнего Поволжья на запад, тесня скифов и загнав их элиту, в конце концов, в Крым, сарматские племена порой заключали союзы со скифскими, понемногу смешиваясь со скифами в Крыму. Под давлением сарматов, а также в стремлении быть поближе к благам греческой цивилизации, скифы перенесли

центр своей государственности в Крым. В Неаполе Скифском в эту эпоху проживали 2 500 – 3 000 человек, занимавшихся преимущественно земледелием и животноводством. Сеяли пшеницу, ячмень, выращивали виноград. Развивали разнообразные ремесла. В религиозной жизни имели много общего с соседями – жителями греческих приморских колоний.

Кроме Неаполя, скифы в III—II вв. до н. э. построили в Западном Крыму несколько десятков населенных пунктов, в том числе и хорошо укрепленных. В своей фортификации они широко применяли рвы, валы, стены с каменными башнями. Из множества разрозненных крепостей во II в. до н. э. крымские скифы сформировали систему обороны, своеобразный укрепрайон. Его центром был Неаполь Скифский. Западное направление, находившееся под угрозой нападения херсонеситов, прикрывалось крупными фортами, известными в современной археологии как Кермен-Кыр, Усть-Альминское и Булганакское городища. Проходы во внутренние районы предгорья, со стороны степи, перекрывались небольшими фортами-заставами. Эта система крепостей успешно противостояла небольшим отрядам кочевников и херсонеситов.

С греческой цивилизацией крымские скифы торговали сперва, в основном, через город-государство Херсонес (на территории современного города Севастополь). Республика, населенная греками, активно торговавшая с Герак-

леей Понтийской, Афинами, Родосом, Синопом, Ольвией, окруженная собственными сельскохозяйственными угодьями, успешно развивавшая виноградарство, рыбную ловлю, ремесла и искусство, город с мощными укреплениями, с более чем 30 улицами, с театром, со множеством собственных микро-колоний, в нескольких десятках километров от центра – вот что такое был Херсонес. Со стороны суши город защищала стена толщиной до 3 м, длиной около 1 км, с шестью башнями.

Еще с V в. херсонеситы богатели на торговом посредничестве между скифами и греческими городами. В III в. до н. э крымские скифы резонно решили, что выгоднее торговать напрямую, без посредников. Перед скифским царем стояла примерно такая же задача, как перед московским царем конца XVII в. Петром Первым: выйти к морю, прорубить окно в Европу. В данном случае, захватить порты Керкини-тида (на территории современного города Евпатория) и Калос-Лимен (на территории современного поселка Черноморское).

Задача непростая: в Калос-Лимене, по некоторым сведениям, была 16-метровая башня, служившая одновременно маяком, наблюдательным и командным пунктом, а также складом, на случай осады; город располагал и другими башнями, а на башнях имелись камнеметательные машины. Но скифы все же смогли оккупировать эти и другие поселения херсонеситов на западном побережье Крымского полу-

острова. После падения Керкинитиды во II в. до н. э., скифы полностью разобрали крепостные стены этого города.

Город-государство Ольвия (за пределами Крыма, на Бугском лимане, около современного села Парутино), в котором жили родственные херсонеситам греческие колонисты, также подчинился скифскому царю Скилуру.

Скифы затеяли войну даже с Боспорским царством и добились от него обещания выплачивать дань.

А Боспорское царство было до II в. до н. э. мощнейшим игроком на крымской арене. Окопавшись по обоим берегам Керченского пролива (он же – Боспор Киммерийский), цари Боспора вели войны на Кубани, покорили племена меотов на берегах Азовского моря, до устья реки Дон, а в Крыму подчинили себе весь Керченский полуостров и присоединили Феодосию.

Столица Боспорского царства – Пантикапей (на территории современного города Керчь) – занимала около 100 гектаров. Это был крупнейший торговый и ремесленный центр Северного Причерноморья. Акрополь с храмами Аполлона и Кибелы, дворцы, прочные оборонительные стены и башни. В гавани вмещались до 30 кораблей, имелось судостроительное и судоремонтное оборудование. Еще больше кораблей могло разместиться в гавани Феодосии, и там тоже работали верфь и док.

Основным военным кораблем Боспора с III в. до н. э. стала триера: 170 гребцов, расположенных тремя ярусами, обес-

печивали скорость до 5 узлов (около 9 км/ч). При дальних плаваниях ставился большой парус, в этом случае скорость могла достигать 8 узлов (около 15 км/ч). Длина триеры – 30—40 м, ширина 4—6 м, осадка 1 метр. В носовой части такие суда имели два-три острых наконечника шпагообразной формы, чтобы таранить вражеские корабли.

Оседлав Керченский пролив, боспориты стали, практически, монополистами в поставке рыбы, которой изобиловало Азовское море, а также экспортировали продукцию сельского хозяйства и животноводства варваров, населявших земли вокруг Азовского моря. Экспортировали и самих варваров. А импортировали из Греции, Малой Азии и островов Эгейского моря вино, оливковое масло, керамику, ткани, оружие, украшения.

Кроме Пантикапея и Феодосии, Боспорское царство включало с десятков значительных городов. Основные города были обнесены оборонительными стенами, толщиной 2—3 м, высотой до 12 м, с башнями. В царстве имелось наемное войско, состоявшее из тяжеловооруженных (гоплитов) и легковооруженных пехотинцев. Гоплитов вооружали копьями и небольшими мечами, у них были щиты, шлемы, поножи. Легкая пехота воевала, в основном, луками и дротиками. В случае большой войны, собиралось ополчение свободных граждан. Знать выступала в роли кавалерии.

Во второй половине II в. до н. э., одновременно с усилением крымских скифов, ослабело Боспорское царство. Разно-

племенная знать, населявшая его, плела интриги. Царь Перисад V терял контроль над ситуацией.

Диофантовы войны. Фаланга против конницы степняков

В конце II в. до н. э. херсонеситы поняли, что самостоятельно вернуть утраченные земли и города западнокрымского побережья не удастся. Утрата эта сделала Херсонес еще более слабым, чем до завоевания Керкинитиды и Калос-Лимена скифами, так как сельскохозяйственные угодья западного берега Крымского полуострова снабжали Херсонес продуктами питания для собственного употребления, не говоря уже о дополнительных доходах от использования портов. Можно было бы зажать варваров-скифов в клещи, заключив союз с Боспором, но боспориты вышли из игры. Окинув мысленным взором Черное море, херсонеситы увидели союзника на юго-восточном его берегу: там было Понтийское царство.

В отличие от Боспора, переживавшего не лучшие времена, Понт был в это время на пике своей силы. Во главе Понта стал овеванный легендами царь Митридат VI Евпатор, прозванный Великим. В его землях жило множество племен, объединенных персидской и греческой культурами, персидскими и греческими аристократами. Сам Митридат происходил из рода персидских царей, получил греческое воспитание, знал 22 языка, обладал огромной физической силой и жестоким нравом. Покровительствовал наукам и искус-

ствам, при этом был суеверен и коварен.

Митридат вознамерился восстановить былое величие своих предков – государство персидских царей, со свойственным им деспотичным правлением.

Римская республика в это время тоже вплотную подошла к пику своего могущества. Малую Азию (азиатская часть территории современной Турции) Рим считал сферой своих интересов. Предстояла большая драка – мирового масштаба, в глазах жителей античного мира. Митридату требовались солдаты и продовольствие для противостояния с римлянами. И то, и другое можно было достать в Северном Причерноморье, если расширить там свое влияние. И вот, очень кстати, подвернулись херсонеситы. Далекий Херсонес обратился к Понту с мольбой о помощи, для борьбы с северными варварами. Митридат откомандировал в Херсонес экспедиционный корпус численностью 6 000 человек, во главе с полководцем Диофантом.

С так называемыми Диофантовыми войнами в историографии имеется большая путаница. Долгое время их датировали 110—107 гг. до н. эры. В последние годы стали считать наиболее вероятной датировкой 114—111 гг. до н. эры.

Походы Диофанта исследовались, в основном, по труду греческого автора Страбона. Из скудных и отрывочных сведений известно, что было несколько военных кампаний, в которых на территории Крыма участвовал Диофант. Скорее всего, в осажденном скифами Херсонесе, перед прибытием

крупного понтийского корпуса, уже находился небольшой отряд понтийцев, союзных Херсонесу. Не исключено, что Диофант был вместе с этим небольшим первоначальным отрядом, и к данному эпизоду относится следующий фрагмент «Географии» Страбона:

«Была еще какая-то крепость – Евпаторий, основанная Диофантом, когда он был полководцем Митридата. Это – мыс приблизительно в 15 стадиях от стены херсонесцев, образующий значительной величины залив, обращенный к городу. Над этим заливом расположен лиман, где есть соляная варница. Здесь была также гавань Ктенунт. Осажденные воины царя, чтобы удержаться, разместили на упомянутом мысе сторожевое охранение; они укрепили это место и засыпали вход в залив до города, так что можно было легко пройти туда сухим путем, и из двух получился некоторым образом один город. С этого времени им стало легче отражать скифов. Когда же скифы напали на стену, построенную через перешеек у Ктенунта, и начали заваливать ров соломой, то царские воины ночью сжигали возведенную днем часть моста и выдерживали вражеский натиск до тех пор, пока не одолели» [105].

Считается, что Ктенунт находился в Севастопольской бухте, то есть рядом с Херсонесом.

Вряд ли Диофант сидел и отбивался бы всякими хитростями, будь в его распоряжении 6 000 понтийских воинов. Скорее всего, их было у него сперва намного меньше,

и лишь впоследствии Понт усилил свой «ограниченный контингент» в западном Крыму, и тогда Диофант перешел в наступление. По некоторым сведениям, Диофант «зачистил» – разорил – поселения тавров в районе Балаклавской бухты, затем отправился под стены Феодосии и освободил ее от осады войска мятежников. Далее направился к Пантикапею, разбил скифское войско, взял несколько укрепленных городов: Тиритаку, Нимфей и Киммерик. Совместно с херсонесским ополчением, он осадил главные города скифов – Неаполь и Хабеи. Скифы вроде бы признали власть Митридата над собой, и Диофант уехал в свой Понт. Но вскоре скифы опять объявили себя независимыми и начали угрожать Херсонесу.

Диофант вернулся, осадил Керкинитиду и Калос-Лимен. Скифский царь Палак, сын умершего к тому времени Скилура, обратился за помощью к сарматскому племени роксоланов. Скифы много лет подвергались сарматскому влиянию: то воевали, то заключали династические браки. «Прижатый к стенке», под угрозой потери последних своих крепостей, а значит и всей страны, скифский царь решился выпустить степного джинна из бутылки. Он позвал войско роксоланского царя Тасия.

Страбон о роксоланах: «У них в ходу шлемы и панцири из сыромятной бычьей кожи, они носят плетеные щиты в качестве защитного средства; есть у них также копья, лук и меч. Таково вооружение и большинства прочих варваров.

Что касается кочевников, то их войлочные палатки прикрепляются к кибиткам, в которых они живут. Вокруг палаток пасется скот, молоком, сыром и мясом которого они питаются. Они следуют за пастбищами, всегда по очереди выбирая богатые травой места» [105].

Современная наука дополняет Страбона: царь Тасий создал большое межплеменное объединение, кочевавшее вокруг Азовского моря. Пришли эти племена из степей Поволжья, Южного Приуралья и Западного Казахстана в Северное Причерноморье как раз во II в. до н. эры. Основой роксоланского войска в те времена была легковооруженная конница.

В общем, вооружение роксоланских кавалеристов было не хуже, чем у большинства крымско-татарских конников, успешно воевавших против Речи Посполитой, Московского царства и Войска Запорожского в XVI—XVII веках.

Какие же воины были в распоряжении Диофанта? Страбон об этом не сообщает почти ничего, кроме упоминания слова «фаланга».

Исследователи истории войн Митридата считают, что во II в. до н. э. войска этого царя формировались и обучались в соответствии с общепринятыми в эллинистических государствах традициями, восходящими к армии Александра Македонского и еще дальше в глубь истории. Это значит, что вооружение большинства воинов в фаланге Диофанта состояло из: копья, ножа, шлема, поножей, маленького круглого щита, пращи и (или) дротиков. Торс защищался, возможно,

льняными доспехами, сшитыми и склеенными из нескольких слоев грубой ткани; не исключены кожаные или железные нагрудники. Вышеописанное относится к воинам, которые стояли во внутренней части боевого построения. А те воины, которые находились в четырех рядах, наиболее близко стоящих к противнику, имели длинные, до 5 метров, копья и прочные железные нагрудники, представляющие собой цельный панцирь или кольчугу.

Военная теория античного времени уделяла очень большое значение видам построения фаланги, требовала соблюдать правило четного количества воинов, и еще множество правил, с привлечением геометрии и других наук. При этом, наука и практика рассматривали фалангу как наковальню, по которой бьет враг, а кувалдой должна быть кавалерия. То есть, фаланга сдерживает удар, сковывает силы противника, а кавалерия атакует этого самого противника. Кроме того, фаланга очень уязвима с флангов и тыла, особенно же эта уязвимость усиливается на пересеченной местности.

Вот как описан в «Географии» Страбона ключевой факт Диофантовых войн: «Роксоланы воевали даже с полководцами Митридата Евпатора под предводительством Тасия. Они пришли на помощь Палаку, сыну Скилура, и считались воинственными. Однако любая варварская народность и толпа легковооруженных людей бессильны перед правильно построенной и хорошо вооруженной фалангой. Во всяком случае роксоланы числом около 50 000 человек не могли устоять

против 6 000 человек, выставленных Диофантом, полководцем Митридата, и были большей частью уничтожены» [105].

В общем, победили не числом, а умением. Возможно, Страбон преувеличивает количество роксоланов. Это вполне типично для древнего хрониста – преувеличивать число врагов. Но даже если роксоланов было только 25 000, то победа Диофанта все равно удивительна.

По мнению современного исследователя Сергея Ланцова, сражение состоялось в районе городища Кара-Тобе (между современными городами Саки и Евпатория). Ланцов предположил, что тяжеловооруженные понтийские солдаты Диофанта устроили войску роксоланов лесную засаду, тем самым лишили маневренности степную конницу, навязав выгодный для пеших воинов ближний бой [61]. Однако другой исследователь истории древнего Крыма, Сергей Колтухов, считает такую реконструкцию неправдоподобной [51].

Во всяком случае, в открытом поле, если без кавалерии, у Диофанта не было шансов устроить роксоланам полный разгром в генеральном сражении. Остается предположить, что это либо действительно была засада, либо Диофант располагал кавалерией, а Страбон по каким-то причинам умалчивает о наличии конницы у понтийцев в этой войне. И, конечно же, роксоланы не располагали значительным количеством тяжеловооруженных всадников – катафрактариев, которыми славилась сарматская кавалерия в более позднюю эпоху.

Диофант взял, наконец, Неаполь и Хабеи, скифская система крепостей оказалась бессильной против его полководческого таланта и выучки его солдат. Скифский царь Палак погиб. Его преемник передал под власть понтийского царя Митридата Ольвию и Тиру, скифы стали платить Митридату дань и поставлять воинов. Херсонес тоже признал над собой власть Понтийского царства.

От боспорского царя Перисада Диофант добился обещания о наследовании царства династией Евпаторов. Но на Боспоре вспыхнуло восстание, и Диофант был вынужен бежать на корабле в Херсонес. Восстание возглавил некто Савмак.

В советской историографии считалось, что он был кем-то вроде Спартака, предводителем восставших рабов. В XXI в. возобладала гипотеза, что Савмак происходил из знатного скифского рода, занимавшего очень высокое положение в Боспорском царстве, и был выразителем интересов аристократов, боявшихся потерять свое положение после подчинения Боспора Понту. Есть и компромиссная версия: восставшие под началом Савмака скифы были крестьянами, проживавшими на территории Боспорского царства. Эти крестьяне находились в тяжелой зависимости от греческих аристократов, правивших в боспорских городах, и конфликт имел не только этническую, но и социальную окраску. Такое совпадение этнического и социального – довольно типичная причина крупных восстаний в истории многих регионов ми-

ра.

Диофант вернулся из Херсонеса с карательной экспедицией, во главе сухопутных и морских сил, и восстановил статус-кво. Пленного Савмака Диофант отправил в Понт. От боспоритов после этого Митридат стал получать дань серебром и хлебом.

Понтийские гарнизоны обосновались во многих городах Крыма. Некоторые скифы и сарматы, из числа населявших Крым, отправились на службу к Митридату и участвовали в его дальних походах.

Митридат и Фарнак в Крыму.

Бой спешенных всадников

В ходе трех знаменитых войн, так называемых Митрида-товых, правитель Понта многократно перекраивал политическую карту Малой Азии, воевал с римлянами в Греции, стал для Великого Рима врагом №1, был многократно разбит, потерял почти все земли и отступил далеко на север – в Боспорское царство.

Митридат уединился в Пантикапее и развернул в Боспорском царстве подготовку нового грандиозного антиримского похода. По свидетельству историка Аппиана, Митридат вознамерился ни больше, ни меньше, пройти на запад через земли скифов, сарматов, даков и галлов, обрастая по пути полчищами варваров-союзников, перевалить через Альпы и, повторив подвиг Ганнибала, вторгнуться в Италию. В Боспорском царстве он, как пишет Аппиан, «спешно стал собирать войско из свободных и рабов, приготовил много оружия и копий и военных машин, не щадя ни лесу, ни рабочих быков для изготовления тетив (из их жил), и на всех наложил налоги, даже на крайне маломощных» [5].

Налоговое бремя и страх перед очередной авантюрой испугали подданных Митридата. Фанагория, Феодосия, Херсонес, Нимфей и другие черноморские города подняли восстание. Римский флот блокировал побережье, военные моряки

ловили и казнили купцов, пытавшихся прорваться в боспорские порты.

Митридат форсировал события: он отправил своих дочерей, в сопровождении евнухов и военного отряда, к скифам, с предложением принять этих девушек в жены и выслать взамен скифское войско на помощь Пантикапею. Солдаты эскорта по дороге перебили евнухов, которых давно ненавидели за слишком большое влияние при царском дворе. А сын Митридата Фарнак ночью сбежал в ближайший боспорский военный лагерь – это было расположение весьма специфической военной части, римских перебежчиков. Из всех войск Митридата, именно эта часть стояла лагерем ближе всех к царю, ей он доверял более всего. Фарнак объявил римским перебежчикам, что решил выступить против отца. И разослал гонцов с этой вестью в другие близлежащие лагеря. Наутро большая часть войска подняла слаженный крик, с требованием передачи власти от Митридата Фарнаку.

Слово Аппиану: «Узнав об этом, Митридат вышел, чтобы переговорить с ними. Большое число из его личной гвардии перешло к (римским) перебежчикам. Они же отказались их принять, прежде чем они в доказательство своей верности не сделают что-либо непоправимое в знак верности, намекая тем на личность Митридата. И вот они успели убить коня Митридата, когда он бросился бежать, и, считая себя уже победителями, объявили Фарнака царем; кто-то вынес из хра-

ма плоский стебель, и Фарнака увенчали им вместо диадемы. Видя все это с высокого открытого места, Митридат стал посылать к Фарнаку одного за другим вестников, требуя для себя права свободного и безопасного выхода. Так как никто из посланных не возвращался, то он побоялся, как бы его не выдали римлянам, и, воздав похвалу своей личной охране и друзьям, которые еще оставались при нем, он отпустил их к новому царю; некоторых из них войско по недоразумению убило» [5].

Далее, продолжает римский историк, Митридат пытался покончить с собой, выпив яду, но из этого ничего не вышло. Великий правитель долго тренировался противостоять коварным отравителям, многие годы принимал некие профилактические противоядия. Теперь же данные меры предосторожности сыграли с ним злую шутку. Современные пользователи интернета посоветовали бы ему, наверное, убиться о стену. Однако свои услуги в деле добровольного ухода из жизни предложил верный слуга, начальник галльского формирования. Этот офицер убил Митридата VI Евпатора по его просьбе. Описанное событие произошло в 63 г. до н. эры.

Фарнак отправил тело отца на корабле в город Синопу (ныне – г. Синоп в Турции), полководцу Помпею, и получил от римлян право оставить себе Боспорское царство, за исключением Фанагории. По случаю окончательной победы над Митридатом, в Риме Помпею в 61 г. до н. э. устроили

один из величайших триумфов в истории Вечного Города.

Сын Митридата Фарнак, утвержденный римлянами как царь Боспора, вынашивал реваншистские планы. Сначала он провел победоносную войну с Фанагорией и заставил ее вернуться в состав Боспорского царства. Затем, воспользовавшись развернувшейся в Римской республике гражданской войной, отправился завоевывать исконные отцовские земли в Понт. Сначала все шло хорошо, он разбил римского полководца Домиция. Но в 47 г. до н. э. ему пришлось вступить в Понте, близ города Зела, в бой с Юлием Цезарем, который незадолго до этого разбил самого Помпея.

Такой противник был Фарнаку не по зубам. Армия боспорского царя сражалась храбро и была близка к победе, но профессионализм римских воинов оказался выше. В своем письме, отправленном в Рим, Цезарь описал ход и результаты битвы так: «*Veni, vidi, vici* (пришел, увидел, победил)». Фраза отправилась в народ, мелькая в античных, средневековых и позднейших текстах, и даже красуется на пачках сигарет «Мальборо», хоть Юлий Цезарь и не курил.

Побежденный Фарнак с одной тысячей всадников бежал в Синопу, а оттуда морем в Боспорское царство. Боевых коней он перед погрузкой приказал убить (Так не доставайся же ты никому!), чем вызвал, естественно, большое неудовольствие кавалеристов. Прибыв в Крым, Фарнак столкнулся с мятежом Асандра, которого ранее поставил править Боспором. Наскоро сколотив сармато-скифское войско, Фарнак

сумел захватить важнейшие крымские города Боспора – Феодосию и Пантикапей. Но у Асандра все же оказалось больше союзников в этой гражданской войне; основной его опорой стало население азиатской части Боспорского царства. Да и сказалось отсутствие лошадей у фарнаковских кавалеристов, помноженное, скорее всего, на упадок их боевого духа.

Аппиан: «Всадники Фарнака, не имея лошадей и не умея сражаться пешим строем, были побеждены, а сам Фарнак, геройски сражаясь один, был убит, покрытый ранами, 50 лет от роду и процарствовав над Боспором 15 лет» [5].

Укрепление римского влияния в Боспорском царстве

После смерти Фарнака, правитель Боспора Асандр продолжил укреплять свою власть. Попытался добиться от Цезаря утверждения своих прав на царствование, но получил отказ. Впрочем, Цезарь поспешил в Рим, и пучина столичной политики поглотила его, предоставив Асандру возможность действовать самостоятельно. Асандр был, по всей видимости, представителем сарматской знати из числа боспорских придворных. Для пущей легитимизации своего положения, он женился на дочери Фарнака – Динамии, объявил себя царем в 47 г. до н. э. и правил до 17 г. до н. эры. Краткое пребывание Пантикапея в статусе ставки великого Митридата оказало, очевидно, сильное влияние на умы местных аристократов и окрестного варварского населения. Да и боевой опыт боспорских воинов, должно быть, возрос в результате войн Митридата и Фарнака. Собрав под своим началом боспорские города и пользуясь временным отходом римских полководцев от активного вмешательства в дела региона, в связи с гражданской войной в Риме, Асандр развернул широкомасштабное военное строительство.

При этом царем был укреплен древний Узунларский вал, пересекающий Керченский полуостров между Узунларским озером и Казантипским заливом, протяженностью около

35 км.

Скорее всего, именно к фортификационной активности Асандра относится крепость в Кутлакской бухте (ныне бухта Веселовская, недалеко от села Веселое и поселка Новый Свет). Эта крепость, по мнению археологов и историков, была спланирована военным инженером. Общая площадь – 2,5 тыс. кв. м, территория плотно застроена, стены толщиной до 3 м, с четырьмя башнями. Гарнизон состоял из сотни наемных воинов – вероятнее всего, из варварского населения Феодосии или набранных за пределами Крыма. Снабжалась крепость по морю, из Феодосии, которая в то время представляла собой очень малолюдный городок. Скорее всего, Кутлакская крепость была очень дальним западным аванпостом Боспорского царства, находящимся посреди земель тавров, и основали ее для борьбы с пиратством. Тавры, населявшие горную часть Крыма, много веков грабили корабли, ходившие вдоль побережья. Свирепые черноморские штормы и коварные туманы часто приводили к тому, что галеры разбивались о скалы этих берегов или заходили в бухты на срочный ремонт. Не исключено, что тавры использовали и собственные плавсредства для нападения на те корабли, которые неосторожно приближались к горной части побережья. Есть сведения, что Асандр одержал несколько побед над пиратами. Вероятно, Кутлакская крепость как-то связана с этими событиями.

От брака Асандра и Динамии остался сын с иранским име-

нем Аспург. После нескольких лет дворцовых интриг, сме- ны римских ставленников, Аспург утвердился в 14. г. н. э. на боспорском троне, для чего ему пришлось съездить на поклон в Рим и прибавить к своему титулу формулировку «друг римлян», то есть признать над собой власть империи. Аспург опирался на так называемых аспургиан, которые были, очевидно, не просто чем-то вроде группы ситуативных сторонников, а сильным кланом, племенем, из числа сарматских племен азиатской части Боспорского царства.

В степной части Крыма продолжался процесс сарматизации скифского населения. В крымский «плавильный котел» этносов втягивались и тавры.

Между 14 и 23 гг. н. э. Аспург провел крупную военную экспедицию. Результатом его решительных действий стало подчинение скифов и тавров Боспору. Археологи отмечают, что в эти годы в городах западнокрымского побережья, долгое время бывших предметом спора между херсонеситами и скифами, произошли большие разрушения, пожары и прочие события, типичные для военных действий. Жизнь в Керкинитиде в это время вообще прекращается.

Слабеющий Херсонес все больше входил в сферу влияния усиливающегося Боспора. Такой дисбаланс сильно беспокоил правителей Римской империи. Сын Аспурга, Митридат VIII, был не только тезкой и потомком Митридата Великого, но и обладателем очень похожих амбиций. Утвержденный римским императором Клавдием на Боспорском троне, этот

новый Митридат задумал добиваться полной независимости от Рима. Чтобы усыпить бдительность римлян, он отправил своего младшего брата Котиса в имперскую столицу. Но Котис «слил» его планы Клавдию, и в Риме приняли решение: Митридата VIII от власти отстранить, а новым боспорским царем утвердить Котиса. В 45/46 гг. н. э. римская военная экспедиция во главе с Авлом Дидием Галлом, будущим наместником Британии, прибыла в Боспорское царство и реализовала данное решение.

Митридат VIII бежал, но не смирился с поражением. Он дождался, когда основные силы римлян во главе с Дидием были выведены из региона, и начал войну против оставшихся нескольких римских когорт. Пара тысяч римлян, под командованием Юлия Аквилы, совместно с верными Котису боспоритами, снабженными римским оружием, в союзе с кочевым сарматским племенем аорсов, развернули боевые действия на Кубани против Митридата VIII и его союзников, тоже из местных ираноязычных племен. Хотя эта война происходила не в Крыму, однако тактические приемы, зафиксированные историком Тацитом, отображенные в описании этих событий, были характерны, очевидно, для ведения войны римлянами и в других землях Северного Причерноморья – возможно, и в Крыму. Итак, слово Тациту, события 49 г. н. э. на Кубани:

«Враг был отброшен, и они (боспориты Котиса и римляне. – *Прим. авт.*) дошли до покинутого Митридатом вслед-

ствие ненадежности горожан дандарского города Созы; было принято решение им овладеть и оставить в нем гарнизон. Отсюда они направляются в земли сираков и, перейдя реку Панду, со всех сторон подступают к городу Успе, расположенному на высоте и укрепленному стенами и рвами; впрочем, его стены были не из камня, а из сплетенных прутьев с насыпанной посередине земель и поэтому не могли противостоять натиску нападавших, которые приводили в смятение осажденных, забрасывая их с возведенных для этого высоких башен плававшими головнями и копьями. И если бы ночь не прервала сражения, город был бы обложен и взят приступом в течение одного дня. На следующий день осажденные прислали послов, просивших пощадить горожан свободного состояния и предлагавших победителям десять тысяч рабов. Эти условия были отвергнуты, так как перебить сдавшихся было бы бесчеловечной жестокостью, а сторожить такое множество – затруднительно: пусть уж лучше они падут по закону войны; и проникшим в город с помощью лестниц воинам был подан знак к беспощадной резне. Истребление жителей Успе вселило страх во всех остальных, решивших, что больше не стало безопасных убежищ, раз неприятеля не могут остановить ни оружие, ни крепости, ни труднодоступные и высокогорные местности, ни реки, ни города» [107].

Римляне выиграли эту войну малой кровью. Но Черное море, совместно с таврами, отомстило римлянам. Возвраща-

ясь из Боспора, римские корабли попали в шторм. Несколько военных судов были выброшены на берег, контролировавшийся таврами. По своей давней привычке, тавры сочли это подарком моря, перебили множество римских воинов и убили даже префекта когорты, то есть командира нескольких сотен человек.

Проиграв войну, Митридат VIII при посредничестве вождя аорсов сдался римлянам на почетных условиях, был доставлен в Рим и прожил там до 68 г. н. эры.

Котис остался править Боспорским царством. И он, и последующие правители Боспора, использовали в своей титулатуре выражение «друг Цезаря и друг римлян», признавая верховенство Рима. Котис даже взял себе второе имя – Тиберий Юлий, ввел на Боспоре культ римского императора и стал жрецом этого культа. Тибериями Юлиями стали называть себя и наследники Котиса на престоле, в дополнение к их местным тронным именам. Дружба с Римом позволяла боспорским царям обращаться за военной помощью к римлянам, в случае опасности, и не мешала расширять свое влияние на полуострове.

После разгрома Митридата VIII, основными противниками Боспора были ираноязычные племена скиифов и сарматов, а также давний конкурент – Херсонес.

Римские войска на территории Херсонеса в I—III вв. н. эры

При Митридате Великом, до 89—85 г. до н. э., в прибрежных городах Юго-Западного Крыма, являвшихся зоной непосредственных политических интересов Херсонеса, стояли понтийские гарнизоны. На заключительном этапе Митридатовых войн херсонеситы выступили на стороне Рима, и Гай Юлий Цезарь принял Херсонес под римский протекторат.

В середине I в. н. э. в Центральной и Восточной Европе произошли крупные перемещения народов. Скандинавы, готы и сарматы совершили целую череду миграций, войн, взаимовлияний. В этом сложном процессе непосредственное отношение к Крыму имеет натиск сарматских племен на запад и установление первых контактов между сарматами и германцами. Сарматы с этого времени явно преобладают в степном и предгорном Крыму, скифы перенимают их культуру и смешиваются с сарматами. Среди сарматских племен во второй половине I в. н. э. начинают выделяться аланы, племя энергичных и умелых воинов. По одной из гипотез, аланы первоначально были чем-то вроде рыцарского ордена – объединения знатных тяжеловооруженных воинов, которое постепенно собрало под своей властью несколько сарматских племен. Предположительно, основной людской

массой этого племенного союза стали аорсы, которые в ходе римско-боспорской войны воевали с сираками.

Царь с сарматским именем Фарзой в середине I в. н. э. распространил свою власть в низовьях Днепра и степном Крыму, объединил скифские кланы, которые в Крыму были разрозненными со времен Диофантовых войн. Фарзой начал чеканить в Ольвии золотые монеты со своим именем. Это был прямой вызов Риму, а Рим считал Северное Причерноморье важным регионом. Воспоминания о Митридате Великом и его планах были еще свежи. Римская империя не могла допустить создания мощного объединения варваров, которое бы охватило все степи Северного Причерноморья. Тем более, что сарматское племя языгов в 50-е гг. I в. н. э. поселилось на венгерской равнине и могло бы стать одним из передовых отрядов великого нашествия варваров на Рим, вроде того, которое замыслил Митридат VI Евпатор.

Сарматы и скифы в начале 60-х гг. I в. н. э. осадили Херсонес – не исключено, что подстрекаемые боспоритами. Скорее всего, участвовали в этих атаках и тавры, которые в то время смешивались с выходцами из степного Крыма. Собственно, во второй половине I в. н. э уже в разгаре формирование нового этноса – тавро-скифо-сарматов, под сильным влиянием сарматской культуры.

Жители Херсонеса обратились за помощью к своей метрополии. Рим отправил в 62 г. н. э. Тиберия Плавтия Сильвана, наместника провинции Мёзия (ныне, в основном, –

территория Болгарии, частично Сербии и Румынии), против «поднявших волнения сарматов». Римляне в то время уже повсю использовали варваров в качестве союзников в войнах против других варваров. И в этой войне, несмотря на наличие крупных морских и сухопутных сил у Плавтия Сильвана, римляне привлекли к участию на своей стороне племена даков, бастарнов и роксоланов. Коалиция нанесла поражение Фарзою. Римские войска, предположительно, взяли Ольвию. Они сняли осаду с Херсонеса и, очевидно, провели несколько военных операций в Юго-Западном и Северо-Западном Крыму. В составе войск Т. Плавтия Сильвана были не только легионеры, но и моряки Равеннской эскадры – грозная римская морская пехота, способная и к абордажному бою, и к военным действиям на суше. Предположительно, во время этой военной кампании морские пехотинцы основали римскую крепость Харакс на мысе Ай-Тодор, где сейчас находится особняк «Ласточкино гнездо». На границах сельскохозяйственной округи Херсонеса в эти годы был возведен оборонительный вал – обычная практика для римской армии на границах с варварами.

В 68—69 гг. в Риме настал «год четырех императоров». В связи с гражданской войной, римляне вывели свой экспедиционный корпус из Крыма. Катастрофических последствий для Херсонеса это не повлекло. Катастрофа произошла у их врагов. Поселения Северо-Западного Крыма на рубеже I – II вв. пришли в запустение, в других степных крым-

ских районах население сократилось, зато в предгорьях выросло. Археологи связывают эти события с очередным этапом передвижения воинственных сарматских племен. Спасаясь от агрессивных сарматских племен, группы скифов уходили в горы и были там ассимилированы таврами. Наряду с ираноязычными тавроскифами, разные группы которых восприняли элементы сарматской культуры в разной степени, в Крыму присутствовали и сугубо сарматские племена. Пользуясь затуханием скифского влияния в Крыму, боспорский царь Рескупорид I (правил в 68/69—123/124 гг. н. э.) успешно воевал с варварами. Боспорское царство во второй половине I в. н. э. устроило свою военную базу в цитадели Калос-Лимена. База просуществовала, предположительно, до начала II в. н. эры.

Основным населением Херсонеса и городов крымской части Боспорского царства были греки. Поселявшиеся в этих городах немногочисленные варвары быстро усваивали греческую культуру и растворялись в греческой среде. Впрочем, династия боспорских царей после смерти Митридата была сарматской, имелись также династические контакты Боспора с фракийцами. Население сельской округи приморских городов Крыма было варварским, сармато-скифским, и в большой степени зависело от городской знати греческого происхождения. Впрочем, на исторической родине греки считали городское население черноморских греческих колоний полуварварами, высмеивали их произношение, просто-

ту нравов, суеверия, элементы варварских культов, проникших в городскую жизнь колонистов Причерноморья.

Более обособленно, чем греки-колонисты, в Крыму держались римляне. Со второй половины I в. н. э. римские гарнизоны время от времени вводились в некоторые места крымского побережья, по мере изменений политической обстановки в Крыму и на других участках имперской границы.

Римляне в прибрежных водах Крыма использовали, в основном, либурны: одно-двухъярусные гребные суда, иногда на них ставили большой парус. 50—80 гребцов и 30—50 морских пехотинцев, при свойственной этому классу судов значительной маневренности, обеспечивали высокую эффективность abordaжного боя, десантных операций. 20 либурн, не самых крупных, могли перевезти целую когорту римской армии (около 600 человек). Эти корабли прекрасно себя зарекомендовали в действиях против пиратов.

В середине II в. н. э. в Херсонес и его окрестности были введены солдаты V Македонского легиона, а через несколько лет их сменила вексилляция (особый отряд, подразделение, выделенное из более крупного подразделения, для разведки, гарнизонной службы или выполнения других задач) I Итальянского легиона, во главе с военным трибуном.

Во II—III вв. н. э. один из крымских римских военных лагерей был многие годы на большом отдалении от Херсонеса — в среднем течении р. Альма, на территории современного села Заветное, Бахчисарайского района. В этом лаге-

ре римские солдаты XI Клавдиева легиона так основательно обустроились, что даже развернули производство стекла.

Вероятно, в 173—174 гг. н. э. в Крым прибыл с военным отрядом Т. Аврелий Кальпурниан Аполлонид, объединил римские гарнизоны в Крыму под единым командованием и разгромил угрожавших Херсонесу варваров. Сразу после этих событий либо с рубежа I—II вв. н. э. вексилляции на Крымском полуострове формировались, в основном, на основе военнослужащих XI Клавдиева легиона. Кроме легионеров, во II в. н. э. в Крыму появилось много вспомогательных подразделений, находившихся в оперативном подчинении XI Клавдиева легиона. В частности, среди таких вспомогательных частей были кавалеристы I алы (конного подразделения) Атекторигианы.

Римляне размещались не только в самом городе Херсонес, но и на находившейся за его пределами Северной стороне современной территории г. Севастополь, на высоте Казацкая и гребне Сапун-горы и на территории современной Балаклавы. Гарнизон расположенной в Балаклаве крепости насчитывал несколько сотен человек и поддерживал связь с башней, находившейся на высоте Казацкая, и с другими постами оборонительной системы. В случае наступления врагов на Херсонес с востока, вдоль юго-восточного склона Сапун-горы, гарнизон мог нанести фланговый контрудар. Кроме того, крепость преграждала самый удобный путь с суши, с севера, к Балаклавской бухте. Эта крепость была вы-

несена довольно далеко за линию небольших укреплений и сторожевых постов, окаймлявших принадлежавшую херсонеситам сельскохозяйственную территорию. Такие крепости, находившиеся чуть дальше за пределами лимеса (границы), были очень характерны для имперского пограничья того времени. Удобная Балаклавская бухта использовалась для стоянки римских военных кораблей.

Формально этот херсонесский укрепрайон принадлежал со второй половины II в. н. э. не имперскому лимесу, а пограничью союзного, формально независимого, хотя фактически и очень зависимого, государства Херсонес. Но на деле римские военные действовали здесь так, как на собственно имперских границах.

Крупной римской крепостью на крымском берегу стал Харакс на мысе Ай-Тодор. Его гарнизон составлял, вероятно, до 500 человек. Римляне то вводили сюда войска, то эвакуировали их. Харакс служил и маяком, и дозорным пунктом. Главным предназначением этой крепости была борьба с морским и сухопутным разбоем тавров: римляне боялись повторения событий 49 г. н. э., когда тавры вырезали множество воинов, потерпевших кораблекрушение. Римские легионеры изготовили глиняные водопроводные трубы и провели со склонов Ай-Петринской гряды воду в крепость, построили казармы, термы, мощные оборонительные стены. С севера вход в крепость прикрывали двухбашенные ворота. Паровое отопление согревало мозаичный пол. Помещения

были украшены рельефными изображениями. Судя по обилию найденных женских украшений, в крепости Харакс жили и женщины. Здесь обнаружены также медицинские инструменты, распространенные в Древнем Риме.

С Южного берега Крыма в глубину полуострова, в том числе к Херсонесу, римские legionеры ходили через перевал Шайтан-Мердвень (Чертова лестница) и сделали эту древнюю горную тропу более удобной.

К сожалению, историкам почти ничего не известно о подробностях военных действий римлян против варваров в Крыму II в. н. эры. Остается реконструировать тактику римских войск этого периода для крымского театра военных действий, основываясь на тех источниках, которые относятся к военным кампаниям, проводившимся в соседних регионах. Офицер Флавий Арриан оставил очень ценные свидетельства в своей «Диспозиции против алан». Это инструкция, которую он написал в 135 г., готовясь к битве с воинственными конниками алан, в Каппадокии (Малая Азия, территория современной Турции).

Арриан советовал для продвижения в походном порядке использовать следующее построение. Впереди конные разведчики, по двое; за ними – конные лучники; за лучниками – другие вспомогательные кавалерийские соединения, тоже построенные по два. За кавалерией должны следовать пехотные части, построенные по 4 тяжеловооруженных воина в ряд, прикрытые вперед лучниками, а по флангам – всад-

никами; позади пеших воинов – отборные всадники, кавалерийская элита; затем – всадники, входящие в легионы; следом – повозки с катапультами (торсионные машины, метавшие тяжелые стрелы, расчет состоял из 11 человек), в качестве тягловой силы использовались обычно мулы); затем – группа высших офицеров, командование всего войска, за ними – лучшая когорта, причем двойная (около 1 200 человек), набранная из самых образованных, знатных и рослых (172—178 см вместо обычных для римлянина 165 см) воинов, построение по 4 в ряд, впереди идут дротикометатели; за двойной когортой – еще несколько подразделений пеших воинов; за ними – обозы; замыкает войско на марше вспомогательная кавалерийская часть; по флангам войско сопровождают параллельным курсом кавалеристы, построенные в один ряд.

Придя на место битвы, пехотинцы начинают вооружаться, расчехлять щиты, делать другие приготовления, причем молча, а кавалеристы должны выстроиться по периметру лагеря, чтобы прикрыть пехотинцев от возможного нападения. Далее, для битвы, войско должно выстроиться, по мысли Ариана, следующим образом.

Левое крыло (половина построенного войска от левого края фронта до середины), состоящее из пехотинцев-союзников, занимает позицию на возвышенности; тяжеловооруженные воины стоят впереди дротикометателей, а последние кидают дротики поверх голов передовых рядов.

Правое крыло строится на другой возвышенности, при-

чем союзники-лучники ставятся на самый дальний край правого крыла. Впереди лучников – лучшая когорта, италийские легионеры.

Основной массив пеших легионеров войска находится во внутренних, ближайших к центру фронта, участках левого и правого крыла. В первых четырех шеренгах этой центральной части – воины с пилумами, особыми копьями. Пилум снабжался длинной, до метра, втулкой из мягкого металла. Когда такое копьё попадало в щит противника, то мягкий участок копья гнулся, копьё повисало, торча в щите, лишая щитоносца маневренности, а метатель мог в рукопашной еще и ударить ногой по свисающему со щита копьё, оттянув щит противника вниз этим ударом и довершив дело нанесением удара мечом по открывшемуся торсу противника. Сгибание пилума было хорошо еще и тем, что враг не мог метнуть его обратно в строй римлян, то есть оружие это было одноразовым. У легионера имелось обычно по два пилума в бою. Арриан советовал метать пилумы в атакующих аланских всадников, чтобы и коней испугать, и всадникам сковать движения или нанести ранения. Поочередно с шеренгами метателей пилумов, Арриан велел поставить четыре шеренги пехотинцев с другими копьями, пригодными и для метания, и для ближнего боя. Девятой шеренгой «за ними пусть будет шеренга пехотинцев-лучников: те, кто из нумидийцев, киренцев, боспорцев и итуреев» [6].

Позади, вдоль всего боевого построения, должны стоять

катапульти и открывать огонь при приближении врагов. Катапульти в римской армии имперского периода применялись разного «калибра»: известны стрелы длиной и 70, и 120 сантиметров. Дальнобойность таких машин – 300—340 метров. Против крупных масс конницы, атакующей в плотном строю, как это делали аланские катафрактари, стрелы катапульт были весьма эффективным оружием.

Позади фаланги должны находиться также и конные лучники, чтобы стрелять поверх голов пеших воинов. Далее сзади, вдоль всего войска, – кавалерийские части.

Место главнокомандующего, то есть свое, Арриан для этой битвы определил сзади в центре, а обычно в римском войске полководец находился на правом фланге.

Арриан: «Когда они так построятся, пусть будет молчание до тех пор, пока враги не приблизятся на расстояние выстрела; а когда они приближаются, то теперь всем, как можно сильнее и страшнее, издать клич <...> и притом пускать стрелы и камни из машин и еще стрелы – из луков, а копьеносцы пусть метают копья <...> Также пусть несутся камни во врагов от союзников с возвышенностей, и вообще пусть метание будет отовсюду, как можно гуще, для замешательства коней и гибели врагов. И есть надежда, что, из-за невыразимого множества снарядов, атакующие <...> более и не приблизятся к пешей фаланге; а если всё же приблизятся, то, оперевшись щитами и подперев их плечами, надо выдержать это нападение, как можно упорнее, напирая на них,

как можно сильнее, наиплотнейшей сомкнутостью трёх первых шеренг; четвертая же шеренга пусть метает поверх голов копья, а третья пусть беспощадно разит или метает контосы (Скорее всего, под контосами имеются в виду пилумы. — *Прим. авт.*) и в лошадей, и в их всадников. А когда враги будут отражены, то, если бегство станет очевидным, пусть расступятся именно пешие шеренги и атакуют всадники не целыми отрядами, но половинами их; первыми же пусть будут построены те, кто первыми и станут атаковать. Вторые же половины пусть последуют за атакующими также в строю, но не придаваясь полному преследованию, с тем, чтобы, если бегство станет сильным, следовать за первой погоней своими неутомленными конями, а если со стороны врагов некий поворот случится, то напасть на повернувших. Одновременно и армяне-лучники, атакуя верхом, пусть стреляют, чтобы не дать повернуться обратно бегущим, и копьеносцы-гимнеты бегом пусть следуют; и пеший строй пусть более не остается на своем месте, но выступает вперед быстрее, чем шагом, чтобы, если преследование столкнется с каким-то большим сопротивлением со стороны врагов, снова быть ему защитой впереди всадников. Вот такое пусть происходит, если после первого нападения бегство овладеет неприятелями, а если, повернув по кругу, за крылья проскакать они захотят (Окружить. — *Прим. авт.*), то надо растянуть еще на большие возвышенности крылья самих легковооруженных стрелков; поскольку я не признаю, что враги, увидев, как ослабли кры-

ля от растяжения, когда-либо прорвутся через них и прорубят пехоту. Итак, когда они окружают оба или одно крыло, то теперь неизбежно поперечными у них станут кони, поперечными же – контосы. Именно тогда пусть бросятся на них всадники, сражаясь более не метанием, но своими спатами (обоюдоострый колющий меч, с клинком длиной 60—80 см, шириной 4—5 см. – *Прим. авт.*), а иные – секирами» [6].

Конечно, в Крыму римляне не оперировали такими большими массами своих воинов, как вышеописанное войско Арриана. Максимальная общая одномоментная численность их подразделений на Крымском полуострове во II—III вв. н. э. едва ли превышала 2 000 воинов. Но большинство элементов тактики, а тем более вооружения, были, скорее всего, примерно такими, как описано в «Диспозиции...» у Арриана.

Добавим еще несколько слов о вооружении и тактике. Кавалерия у римлян была развита довольно плохо, римские легионеры не использовали стремян и не подковывали лошадей. Марш-броски на большие расстояния они не практиковали, это преимущество сарматской конницы.

Кроме пилума, важной деталью вооружения воина был знаменитый меч гладиус. Длина клинка – 50—60 сантиметров. Смертельные удары наносились, в основном, уколom, а рубящие считались вспомогательными, предварительными. Изготавливался, в основном, из железа. Наиболее часто и эффективно применялся тяжеловооруженными воинами,

для боя в строю фаланги. Носили его в ножнах на перевязи, справа (в левой руке был щит). Офицеры носили меч слева, а на правой стороне – кинжал. Отличительной деталью в облачении офицеров были поножи.

Шлемы с конца I в. н. э. преобладали железные, полусферические, с горизонтальным ребром жесткости, вроде козырька в надлобной части. Эта деталь защищала лицо от нисходящего удара. Еще более выступающий козырек был на шлеме сзади, защищая шею. По бокам к шлему приделывались наушники и нащечники. Конфигурация всех этих деталей была разнообразной, в зависимости от моды, от мнения того или иного полководца. Оставался неизменным лишь принцип – стальная полусфера. Гребни, известные по картинам и фильмам, прикрепляли к шлему, вероятно, на парадных церемониях. Сам шлем надевали редко: только непосредственно перед боем. В остальное время его носили прикрепленным ремешками к торсу.

Римские щиты с конца I в. н. э. были примерно одинаковыми по размеру и форме: прямоугольные, немного выгнутые, как часть цилиндра; высота – 125 см, ширина – 75 см, вес – от 5,5 кг. Щит был сделан из легких досок, обшитых полотном и толстой кожей, кромка щита обита металлом; в центре внешней стороны – металлическая выпуклая накладка умбон. Умбон легко снимался, на внутренней его стороне хранили бритву, деньги, другие мелкие вещи, тут писали имя владельца щита и номер (название) военной ча-

сти. Умбон служил также центром композиции из металлических или деревянных художественных накладок на щите, изображавших змей, молнии, ветви и прочие символические элементы, по которым можно было иногда понять принадлежность к тому или иному подразделению или верованию. И, наконец, умбон выполнял боевую функцию: им можно было нанести удар противнику, умбон также усиливал защиту для руки воина, державшей щит. На задней стороне щита имелась горизонтальная ручка.

Присутствие подразделений римской армии оказывало огромный психологический эффект. Опираясь на многовековую славу побед римского оружия, небольшие имперские гарнизоны, расположенные в Крыму, могли рассчитывать на покорность местного населения даже при многократном количественном превосходстве войск противника. И все же главными преимуществами римлян были качество управления, вооружения и военной подготовки – высокий профессионализм регулярной римской армии.

Расцвет военного могущества Боспора

Действия римского и боспорского флотов и прибрежных гарнизонов, судя по всему, сильно осложнили жизнь пиратам и способствовали оживлению черноморской морской торговли. Вообще, Боспорское царство во второй половине II в. значительно активизировалось. Победа, одержанная римлянами над варварами в 174 г. н. э. в Западном Крыму, совпала по времени с воцарением Савромата II на Боспоре и, вероятно, помогла последнему справиться с варварским населением Крыма, которое, к тому же, подвергалось ударам новых сарматских племен. Найденная в низовьях р. Дон надпись гласит, что в 193 г. н. э. боспориты, «завоевав тысячи сираков и скифов, подчинили Таврику» [123].

Сибеки в эти годы жили, если верить Плинию, между устьем Днепра и Перекопом, то есть удар боспорских войск был настолько мощным, что вышел даже за пределы Крымского полуострова, на северо-запад от Перекопа. Операция проводилась в период между 186 и 193 гг., совместно с римским командованием. Практически, весь Восточный Крым, включая и территорию современного поселка Старый Крым, стал непосредственным владением Боспорского царства. Вероятно, эти действия боспоритов были простимулированы римлянами, которые при императоре Коммодe активизиро-

вали укрепление лимеса (границы) на Дунае. Современные историки (в частности, Сергей Колтухов) полагают, что после этой войны граница между боспорской и римской зонами контроля пролегла по р. Альма [51].

С конца II в. н. э. количество тавроскифских воинов в Крыму резко уменьшилось, социальная структура Крымской Скифии изменилась [31].

Наверняка, успехам Боспора способствовали и изменения в организации военного дела.

В конце царствования Митридата Великого, а также во времена войны Котиса с Митридатом VIII, боспорское войско вооружалось римским оружием, организовывалось по римскому образцу. В частности, пехотинцы стали носить на правом боку короткие мечи, как римские legionaries. Со II в. н. э., несмотря на визиты отдельных римских подразделений, эта тенденция копирования римского опыта уступает заимствованиям из варварской культуры. Снаряжение боспорского войска приобретает все больше сарматских черт.

Например, на барельефе II в. н. э. изображен Трифон, наместник боспорского царя. Полководец облачен в длинный чешуйчатый сарматский панцирь. На всаднике штаны – важное отличие варвара от классического грека. Штаны получили большое распространение в боспорской армии, во многом вследствие распространения кавалерии варварского образца, а также из-за климата, который намного холоднее греческого.

И кавалеристы, и пехотинцы Боспора со второй половины I в. н. э. стали применять длинные сарматские мечи. Длина этих мечей – от 70 до 112 сантиметров. Кавалеристы, как правило, использовали мечи более 1 метра. Основание клинка треугольное, переходящее в рукоять-штырь. Сарматский меч обычно носили слева, на портупейном ремне, прикрепленном к поясу.

Широко распространены у воинов Боспора были также кинжалы, длиной 33—45 сантиметров. Носили их чаще всего на кожаных ремешках при правом бедре.

Конница в боспорском войске в I—III вв. н. э стала играть более важную роль, чем пехота. Наряду с легковооруженной конницей, сарматизированная знать Боспорского царства начала формировать отряды катафрактариев – конников в тяжелых доспехах, с длинным копьем-пикой и длинным мечом. Катафрактарии отличались и тактикой. Построенные клиньями, они на большой скорости врубались в ряды противника и рассеивали его построение.

На Боспоре тяжелая конница использовала особый тип седла: с массивной передней частью и округлыми выступами, защищавшими нижнюю часть торса всадника.

Копье катафрактария достигало 4 м в длину. Наконечники очень разнообразные, листовидной или ланцетовидной формы.

И конница, и пехота применяли луки двух типов: так называемый скифский и так называемый гуннский. Второй

был более крупным (длиной до 1,6 м) и дальнобойным.

Некоторые катафрактары на Боспоре носили пластинчатые доспехи, но более популярным стал чешуйчатый панцирь, который применялся в вариантах, скажем так, «мини» (до середины бедра) и «миди» (до колен, с разрезом). Чешуйки для панциря делали чаще всего из рогов и копыт, нашивали их на льняную ткань. Использовались также чешуйки из плотной кожи, составленные из нескольких слоев, склеенных между собой.

Не все боспорские полководцы этой эпохи одевались, как вышеупомянутый Трифон. Довольно часто они использовали знаменитые эллинистические панцири, имитирующие мускулистый торс, с наплечниками сверху и передником из кожаных, обшитых металлом, полос снизу.

Большинство легковооруженных воинов носили простые кожаные панцири, на некоторых таких доспехах нашивались металлические бляхи.

Изредка, у знатных сарматских воинов Боспора встречались кольчуги – рубахи длиной до середины бедра, сплетенные из металлических колец.

Основные типы шлемов боспорской армии I—III вв. н. э. – конические и полусферические, иногда с нащечниками. Каркасная конструкция, из железа или бронзы.

Всадники-катафрактары не применяли щиты, так как массивное 4-метровое копьё приходилось держать обеими руками. Пехота использовала большие щиты в форме про-

долговатого овала.

Катафрактарии атаковали сомкнутой группой, на большой скорости, имея прикрытие от возможных обстрелов с флангов. Основной ударной силой была пика, порой пронзавшая сразу двоих вражеских воинов при фронтальном ударе. Вклинившись в строй противника, катафрактарии сражались уже в одиночку, нанося рубящие удары длинным мечом. Легкая конница устремлялась в брешь, проложенную катафрактариями. Также эффективно использовалась для начала боя – с применением «скифской» тактики наскоков, осыпания стрелами и последующего быстрого ухода из зоны поражения пращников и лучников противника. Легкая конница была незаменима и в преследовании бегущих врагов.

Тяжеловооруженные пешие воины – гоплиты – использовались преимущественно для обороны, изматывания атакующего противника. Легковооруженные пехотинцы скрывались за рядами гоплитов, выскакивая из-за них вперед для того, чтобы применить пращи, луки и дротики, а затем прятаться обратно. Стреляли и прямо из фаланги, поверх голов своего авангарда.

В степной местности боспориты применяли и заимствованный у сарматских кочевых племен «вагенбург» – быстрое создание оборонительного кольца из обозных повозок. Такое кольцо составляли для ночевки или при внезапном дневном нападении превосходящих сил противника. В XVII в. большими мастерами «вагенбургов» станут украинские ка-

заки.

Следует также отметить, что при обороне крепостей боспориты широко использовали баллисты (катапульты), метавшие каменные ядра и особые утяжеленные стрелы на большое расстояние.

В Боспоре во второй половине I в. н. э. на службу, в случае военной опасности, призывались свободные мужчины в возрасте от 18 лет и до дряхлости. Бывало, что воевали боспориты старше 60 лет. Но такие всеобщие мобилизации не могли быть частыми, иначе они подорвали бы экономику государства. Еще до нашей эры боспорские цари использовали отряды наемников. Особенно часто выступали в этой роли на Боспоре фракийцы, составившие до 10% боспорской знати I—III вв. н. эры. В сельской округе боспорских городов оседали целые отряды воинов-сарматов, тоже участвовавших в войнах на стороне царей Боспора, – за деньги, за право жить возле городов, а иногда в силу родственных связей с боспорскими аристократами. Часто иностранцы приходили как наемники, а затем обзаводились в Боспорском царстве семьей и превращались в местных жителей, защищавших теперь уже свою землю.

По методике Сергея Ланцова, и классификации крепостей, предложенной Галиной Требелевой (четыре типа, гарнизоны от 100 до 600 человек), другой современный исследователь, Андрей Ивенских [41], подсчитал, что в укреплениях крымской части Боспора около 5 000 воинов нес-

ли гарнизонную службу. В случае мобилизации «резервистов» из числа свободных граждан, эта армия удваивалась. В азиатской части царства служили в крепостях еще 4 000 – 5 000 воинов. Кроме того, часть воинов находилась вне крепостей.

В то время, в I – начале III вв. н. э., в городах европейской части Боспорского царства проживало 80 000 – 90 000 человек, из которых можно было призвать до 15 000 мужчин на войну [41].

Итого, Савромат II мог собрать армию численностью более 40 000 человек. Правда, в дальний поход (например, в Западный Крым) могли отправиться далеко не все из них, кто-то должен был остаться в тылу. Но все равно, это очень мощная сила для того времени.

Регулярные части Боспора, а также военное строительство, финансировались за счет налогов и, частично, за счет дотаций от римской провинции Вифиния. Ополченцы шли на войну, как правило, со своим оружием, снаряжались за собственный счет.

Почти все вооружение, применявшееся боспорскими воинами, производилось ремесленниками Боспорского царства.

Готские походы III в. и Крым

В первой трети III в. н. э. Боспорское царство находилось на вершине своего могущества. Почти весь Крым, за исключением Юго-Западного района и северных степных кочевий, был под контролем боспорских правителей. Но во внутренней политике Римской империи и среди варваров Восточной Европы начался очередной период нестабильности. Боспориты напрасно надеялись отсидеться в своем провинциальном уголке.

В 235 г. начался период «солдатских» императоров, время серьезного политического и экономического кризиса в римской империи. Тем временем, в процессе многолетнего движения с Балтики на юг, готы достигли степей северного Причерноморья.

Готские вожди, объединив целый ряд варварских племен, разбили римлян в 251 г. н. э., да так, что в битве погиб император Деций. В 251 г. варвары разорили земли, которые в наше время принадлежат Греции. В 253 г. – западную часть Балканского полуострова и Италию. Зимой 253/254 г. римляне договорились с вождями данного нашествия о перемирии. Сразу после этого агрессивная энергия готов и их союзников борафов проявилась на Боспоре. Кто такие борафы – об этом ведутся споры. Возможно, германские племена, не исключено сарматское происхождение, были у них и пра-

славянские элементы. Письменные источники мало упоминают о боранах.

О готах написано много – и современниками, и, намного больше, историками. Но в истории этого народа до сих пор остается очень много неясного. Общие черты, по мнению большинства исследователей, таковы. Готы были выходцами из Скандинавии, обосновались в начале нашей эры на Польском Поморье, затем пересекли заросшие дремучими лесами территории Восточной Европы и утвердились в Северном Причерноморье, создали тут нечто вроде государства и начали набеги на Балканы, Грецию и Малую Азию.

Готов иногда называют «народом-армией». Воинами они были первоклассными, успешно служили Риму. И, в конце концов, дослужились до самых высоких ролей в Римской империи: полководцы-готы вмешивались в политику, приводили императоров то к триумфу, то к гибели, а на закате Древнего Рима готские вожди возглавили мощные государства в Южной Европе. Бурная деятельность готов охватила период около пяти веков и отмечена на территории от Испании и Франции до Украины. Их звездным часом стала эпоха великого переселения народов. Это было время упадка Римской империи, время грандиозных сражений, опустошения огромных территорий, стремительного обогащения умелых и удачливых военных вождей.

Готы, как и боспорская армия, применяли тактику «вагенбурга». В повозках этого передвижного города жили женщи-

ны и дети. По свидетельству римского офицера и историка IV в. н. э. Аммиана Марцеллина, готы называли такой лагерь «карраго». Мужчины – во всяком случае, наверняка в IV в. н. э., а скорее всего и в предшествовавшем столетии, – воевали верхом, позаимствовав вооружение и тактику аланских катафрактариев, с большими копьями и мечами.

В Крыму готы начали появляться, вероятно, еще во второй четверти III в., но это появление не имело сперва характера нашествия: слишком сильны были еще сарматы в крымских степях.

Проникновение готов в Крым происходило скорее всего, не через Перекоп, а со стороны Керченского пролива.

В Боспорском царстве в 253—254 гг. было сразу два царя: Рескупорид V и Фарсанз. То ли они полюбовно договорились быть соправителями, чтобы более гибко реагировать на изменения ситуации в царстве и на его границах. То ли вели ожесточенное соперничество – неизвестно. Из текста византийского историка Зосима следует, что Фарсанз, скорее, был выскочкой-узурпатором. И, похоже, именно с Фарсанзом вошли в сговор готы и бораны. Фарсанз и какие-то, действовавшие с ним заодно, боспориты предоставили скупающим готским и боранским воинам корабли и разрешили выйти из Азовского моря в Черное. Новоявленные пираты вихрем прошли по черноморскому побережью Кавказа, разоряя города, пока не были отбиты от крепости Питиунт (ныне – г. Пицунда) и вернулись обратно на Боспор. Прези-

мовав, варвары повторили свой пиратский поход, на этот раз сумели взять Питиунт, а потом еще и Трапезунд, и ограбить все северо-восточное побережье Малой Азии.

Римские подразделения к середине III в. н. э. были полностью выведены из Крыма, в связи с полномасштабным социально-экономическим и политическим кризисом империи. Так что навести порядок на Боспоре оказалось некому. Чеканка монет на Боспоре прервалась на несколько лет, с 268 по 275 гг., а это говорит о больших потрясениях в государстве. В эти же годы были разрушены, по данным археологов, боспорские крепость Илурад и город Нимфей. В середине – третьей четверти III в. н. э. предгорные районы Крыма опустели, вследствие военной агрессии. Предположительно, этими агрессорами были готы и аланы.

Среди исследователей этой эпохи истории Крыма уже несколько десятилетий ведутся дискуссии относительно времени появления алан в Крыму и отношений между готами и аланами. Есть мнение, что две эти могущественные силы заключили союз, действовали сообща. Но, возможно, они действовали и разобщенно. Высказывалось мнение, что отдельные аланские группы проникали в Крым и ранее, во II в. н. эры. Но даже небольшие группы имели высокие шансы на успех в борьбе за свое место под крымским солнцем. Вот как алан описывает Аммиан Марцеллин: «Почти все они высоки ростом и красивы, волосы у них русые; они грозны свирепым взором своих глаз и быстры, благодаря легкости сво-

его оружия... Аланы – народ кочевой, живут они в кибитках, крытых корой. Они не знают земледелия, держат много скота и преимущественно много лошадей <...> С раннего детства привыкают они к верховой езде, все они – лихие наездники и ходить пешком считается у них позором. Пределы их кочевий – с одной стороны Армения с Мидией, с другой – Боспор. Их занятие – грабеж и охота. Они любят войну и опасности. С убитых врагов снимают они скальпы и украшают ими узду своих коней. <...> Они чтут бога войны и поклоняются ему в образе меча, водруженного в землю. Все аланы считают себя благородными и не знают рабства в своей среде. В образе жизни они очень сходны с гуннами, но нравы их несколько мягче» [2].

Ряд авторитетных историков в 90-е гг. XX в. высказали мнение, что аланы в III—IV вв. н. э. расселились в горном, центральном Крыму и в районе Керченского пролива, а готы – среди сарматского населения Боспора и на Южном берегу Крыма. Потомки крымских скифов, последние скифо-сарматские группы, были ассимилированы этой новой волной варваров, преимущественно ираноязычной (аланской) ее частью.

У царя Рескупорида V в 266 г. появился новый соправитель, по имени Тейран, якобы из старой боспорской династии Тибериев-Юлиев, потомков Аспурга.

В 269 г. готы организовали грандиозный поход, с целью захвата земель для своего проживания на Балканах. По суше

туда отправились более 300 000 человек, с семьями. В составе этой орды было множество племен: «певки, гревтунги, австроготы, визиготы, гепиды, кельты, герулы», перечисляет античный автор. Из устья Днестра стартовала в том же направлении варварская флотилия, в составе около 2 000 кораблей. В районе греческих Фессалоник эта флотилия высадила десант, а затем отправилась на юго-восток, грабить острова Родос, Крит, Кипр и другие. Римляне успешно сопротивлялись, нанесли варварам множество поражений, но силы были неравны, и в итоге император Аврелиан эвакуировал провинцию Дакия, а на ее земли заселились готы и тайфалы.

Однако оставшимся в Северном Причерноморье готам и другим племенам, особенно жителям Приазовья, по-прежнему было некомфортно, и в 275 г. они снова предприняли комбинацию из морского и сухопутного походов, но на этот раз вдоль кавказского берега Черного моря.

Это варварское войско заняло всю восточную часть Малой Азии, но император Тацит и его полководец Флориан сумели нанести им несколько поражений. Под ударами римлян, варвары погрузились на суда и отплыли на Боспор, Флориан бросился морем в погоню с флотом, догнал у боспорских берегов и нанес варварам ощутимые потери в морском сражении. Однако в этот момент Флориану сообщили, что император Тацит скончался, а сам Флориан был объявлен императором. Свежеиспеченный правитель Римской империи срочно отправился назад, для борьбы с претендентом

на римский престол – Пробом.

Лавры победителя достались также боспориту Тейрану: когда уцелевшие после боев с Флорианом варвары высадились на берегах Боспора, правитель Тейран со своим войском разгромил их. В честь этой победы Тейран удостоился статуи и титула «спаситель отечества». В связи с успешным окончанием вышеописанной черноморской кампании, римляне выпустили монеты с надписями «Victoria Pontica» и «Victoria Gothica».

«Прото-тачанки», или херсонесское wunderwaffe

Тейрану повезло. Но постоянно противостоять массам варваров, бурлившим на берегах Азовского моря, Боспорское царство было не в силах. Приходилось идти на компромиссы, заключать союзы, принимать представителей варварских племен в соправители, пропускать их корабли из Азовского моря через Керченский пролив и, вероятно, даже строить суда специально для их походов, либо предоставлять готовые боспорские корабли.

Очень интересные сообщения о той эпохе содержатся в знаменитом трактате византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей», составленном в середине X века. В Главе 53 этого сочинения рассказывается о войнах Херсонеса III—IV веков н. эры. Современные историки считают, что Константин Багрянородный имел в своем распоряжении какие-то древние херсонесские хроники, не дошедшие до нашего времени. Однако не известно, насколько точны были эти хроники, и насколько точно следовал им Константин Багрянородный, и является ли он вообще автором Главы 53 (возможно, эта глава представляет собой выписку, сделанную кем-то другим из каких-то хроник). Ясно одно: легенды переплелись с фактами в этом сочинении так плотно, что отделить их друг

от друга очень сложно, если вообще возможно.

За неимением более надежного источника, обратимся к этому. Константин Багрянородный повествует, что в правление императора Диоклетиана (с 284 по 305 гг. н. э.) некий «Савромат из боспориан» собрал множество «савроматов», то есть сарматов, населявших берега Азовского моря, и вторгся в малоазийские владения Римской империи. На реке Галлис их задержал «трибун Констант» [53]. По мнению современных ученых, этим трибуном был Констанций Хлор, отец будущего императора Константина Великого, а следовательно, описываемые события произошли до 293 года. Исследователь Валерий Сидоренко датирует их 285 годом [51].

Констант (Констанций), видя, что препятствовать продвижению варваров в глубь империи он долго не сможет, придумал коварный план и известил о нем императора Диоклетиана, с просьбой помочь в реализации. Согласно плану, необходимо было натравить какое-нибудь государство или мощное племя, из соседних с Боспором или Азовским морем, на тылы Савромата, напасть на семьи воинов, ушедших в малоазийский поход, тем самым заставить войско Савромата срочно вернуться восвояси. Констант и Диоклетиан сочли лучшим орудием для осуществления такого рейда по тылам Савромата херсонесское войско.

Херсонеситы откликнулись на зов Великого Рима. «Собрав мужей из соседних крепостей, приготовив военные ко-

лесницы и поместив на них хироволистры, они оказались около города боспориан и, сделав засады в течение ночи, малыми силами завязали сражение с городом. Ведя битву у стен с рассвета до третьего часа дня, они прикинулись обращенными в бегство, не обнаруживая хироволистр, имевшихся в приготовленных колесницах. Разумеется, в Боспоре, посчитав, что херсониты, побеждаемые в силу их малочисленности, обратились в бегство, приободрившись выступили, чтобы их преследовать. А херсониты, ненамного, как говорят, отступив, начали поражать преследователей – боспориан из хироволистр; находившиеся в засадах херсониты, поднявшись и окружив боспориан, перебили всех их» [53]. Уничтожив этот боспорский отряд, произведший вылазку, херсонеситы вернулись к стенам Боспора (Пантикапея) и взяли город, а также крепости на берегу Азовского моря и семьи ушедших в поход сарматов. Заполучив заложников, херсонеситы отправили послов к Савромату, где он стоял лагерем на реке Галлис, напротив римского войска Константа. После сложных переговоров Савромат согласился прекратить войну на условиях *quo ante bellum*, то есть закончить вничью: варвары вернулись в район Азовского моря, а херсонеситы вернули Савромату все семьи и крепости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.